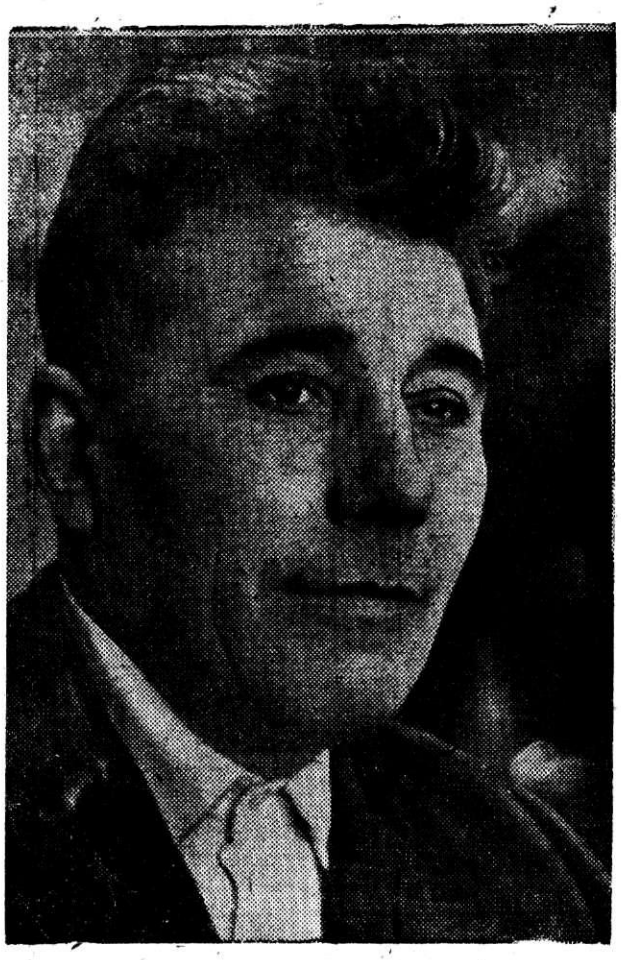

После окончания школы фабрично-заводского ученичества в 1934 году пришел в цех подвижного состава Мухамед МИНУЛИН. Работал слесарем по ремонту паровозов и одновременно учился на курсах помощников машиниста паровоза. В скором времени стал работать на паровозе.

Когда началась война, был призван в ряды Советской Армии. Познал горечь отступления и радость побед. За ратный труд был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу».

После войны вернулся в родной цех и за высокие трудовые показатели был награжден медалью «За трудовое отличие».

Машинист паровоза коммунист Мухамед Минулин за годы работы подготовил многих молодых рабочих своей специальности. Ему присвоено звание «Ветеран Магнитки».

Фото Н. Нестеренко.

О КРАСНОМ УГОЛКЕ

Справочное ММ 3-31-33

А. Тюнькин от имени жильцов второго интерната прислал в редакцию письмо, в котором речь идет о необходимости создания красного уголка в интернате.

На письмо рабочего А. Тюнькина отвечает **заместитель директора комбината Ф. ПИВОВАРОВ.**

Проектные проработки показали, что в помещении интерната № 2 оборудовать обширный красный уголок невозможно.

В этих условиях признано нецелесообразным осуществлять реконструкцию помещения интерната.

После завершения строительства нового Дворца культуры металлургов действующий Дворец культуры имени Ленинского комсомола будет полностью передан в распоряжение жилищно-бытового совета молодежных общежитий комбината.

БЫТЬ ЧИСТОТЕ И ПОРЯДКУ!

ТВОЕ РАБОЧЕЕ МЕСТО

Помещение под эстакадой третьего мартеновского цеха, где размещалась раньше типография комбината, производило весьма удручающее впечатление: низкие закопченные потолки, скученность оборудования. Работать в такой обстановке было трудно.

Но вот полгода тому назад, после реорганизации, в результате которой типография как участок вошла в состав цеха технологической диспетчеризации, линотипное, наборное, печатное, переплетное отделения ее переехали в здание на проспекте Пушкина.

Многие вначале настороженно отнеслись к переезду: не верилось, что в светлых, просторных помещениях можно будет соблюдать чистоту: со свинцом, типографской краской, считали скептики, это невозможно. Но в новой обстановке люди день ото дня все больше убеждались в обратном. Под неустанным, требовательным вниманием руководства ЦТД проводилась расстановка оборудования в соответствии с требованиями санитарной культуры производства, покраска его. В голубой цвет были выкрашены линотипы и печатные машины, в светло-серый — реалы с кассами для шрифта.

После угнетающего черного цвета, преобладавшего в прежнем помещении типографии, все здесь стало радовать глаз. В рабочих помещениях линотипистов, наборщиков, печатников, переплетчиков уют подчеркивается легкими светлыми шторами на окнах, цветами, линолеумом, покрывающим пол, элегантными письменными столами и шкафами для одежды. Всем работницам типографии выданы белоснежные халаты.

Теперь работникам типографии и не верится, что когда-то их окружали стены старого грязного помещения, где даже днем приходилось работать при электрическом освещении. Не только светло и уютно стало в отделениях участка типографских работ. Здесь постоянно поддерживается нужная температура воздуха. Отлично работает вентиляция. Это особенно важно для линотипистов, которые имеют дело с расплавленным металлом.

На рабочих участках соблюдены санитарно-гигиенические нормы, убранство, оформление помещений отвечает требованиям производственной эстетики. Возле каждого рабочего помещения цеха вывешена санитарно-гигиеническая карта, в которой подробно изложены нормы света, воздуха, других показателей условий труда... В ней же — фамилии инспекторов по технике безопасности, ответственных за чистоту, противопожарные условия и т. д. Такие карты помогают строже относиться к чистоте, порядку.

Сохранить достигнутое можно будет только силами всего коллектива. А судя по тому, что уже привыкли полиграфисты к новым требованиям, к новым условиям труда, можно с уверенностью сказать: быть чистоте и порядку на участке типографских работ всегда!

Л. ЯНЧЕНКО,
пом. санитарно-промышленного врача.

Б. РУБИНА.

ПЕРВОСТРОИТЕЛЯМ МАГНИТКИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЛЕГЕНДА О МАГНИТ-КАМНЕ

Анатолий ЗАНИН — ПОВЕСТЬ

Андрюшка Силкин за мастером рулетку носит, колышки забивает. Ляжет на живот, сдует со стальной ленты пыльцу и миллиметры смотрит. Мастер стоит на штабеле, крутит перед глазами линейку и в книжку записывает. Мы вокруг стоим, будто на идола какого глазеем, и такая злоба берет. Илья раз не выдержал. Только мастер приноровился шаманить, а бригадир говорит:

— Брось, Ганс, мучиться. Я уже прикинул. Распорку вот сюда надо поставить, а трос к этой колонке привязать, и балочка взлетит, как миленькая...

Ганс с усмешечкой оглядел Илью.

— О, что значит прикинуть? Я уже смотрел такое слово... Прикинуть — это значит на глазочек примерить. Это не точно! Мы, немцы, любим точность! Точность и точность!

— А умирать ты тоже точно в назначенный срок собрался? И на линеечке рассчитал? — простецким тоном спросил Илья, но в его прищуренных глазах вспыхнули голубые сумасшедшинки. — Тогда заказывай гроб, Ганс, чтобы не опоздать в назначенный срок прыгнуть в него и крышкой захлопнуться...

— Э-э-э... Как это, Ильюша? Не морочи мне голову. Покажи, как ты прикидал на глазочек...

— А вот как! Проще пареной репы!

Илья ловко взбирается на колонну по скобам, как по лестнице, и привязывает там веревку. Мигом слетает вниз, что тот циркач, и, отбежав, прикладывает ладонь ребром к носу, смотрит одним глазом на веревку, относимую ветром, а другим — на солнце и на тень от колонны. И так, не отрывая руки, передвигается вокруг колонны, на которую нужно поднять балку, и вдруг кладет у ног заранее приготовленный камушек.

— Здесь ставить лебедку.

Мы с любопытством следим за игрой бригадира, за поединком с немецким мастером, который все делал по науке. «Расчет» бригадира, был и проще и быстрее. Ганс усмехается и неожиданно соглашается с бригадиром. Не терпелось немцу посмеяться над русс-Иваном.

И получилось так, что командовать стал Илья, а мастер только организовывал, выполнял все распоряжения бригадира. И как складно у Ильи все получалось! Через час огромная балка как миленькая взлетела наверх и мы с Ильей приладили ее на колоннах, на болты закрепили.

Ганс долго расспрашивал Илью, каким глазом и куда смотреть. Ну и покрутил Илья немца, поиздевался над ним. Не туда, кричит, смотришь, раззява ты этакая! На солнышко одним глазком, а другим на веревочку.

— Карашо на глазок прикинул, Ильюша! Русский самородок! Так по вашему? О ты, Ильюша, не простачок. Далеко собрался в путь пойти, а?

Ганс улыбался, а рот его кривился, глаза темнели от ненависти. С каким бы удовольствием пруссак высек русского мужика-лапотника, хоть и самородка.

— А что? — торжествовал Илья. — Не лыком шиты!

Он тут же сбросил разбитые лапти и надел новые. Чтобы сберечь обувку, мы приносили с собой на работу пар по шесть, по семь лаптей — целую вязанку. Их тогда выдавали без счету.

— Головастый ты паренек, Ильюша. Как это? Ба-шко-ви-тый! Да? Только бедненький, в лаптях ходишь... Го-ло-дра-нец! Ха-ха-ха! Какой хороший слово! Башковитый голодранец! Ха-ха-ха! Ге-ге-ге! Ох-хо-хо!

Так смачно закатился немец, что стало как-то нам не по себе. Илья потемнел лицом, но расправил плечи и будто на голову вырос от немца, хотя и тот— дылда подходящая. Только потощее тот супротив Ильи. Стоит Илья напротив немца, что тот Муромец-богатырь. Щека одна у него задергалась, кулаки свинцом налились. Кирпич, попавшийся под ноги, Илья с такой силой поддал, что тот, ударившись о колонну, брызнул осколками.

— Погоди уже смеяться. Мы еще покажем, где раки зимуют. Дай срок! Попомнишь ты эти свои слова!

— О! Раки зимуют! Обиделся, Ильюша? Понимайт. Не туда сказал. Убираю назад голодранца. По рюкам?

Илья не заметил протянутой немцем руки, повернулся и пошел прочь. Ганс не обиделся. Понимал: нельзя в артелке враждовать. Никакой работы не будет, и кому-то придется уходить. На виду у всех они больше не сталкивались, но внутри у каждого кипела злость. Соперничали, подсмеивались, где только могли и ненавидели друг друга люто. А Ганс был все же пройдоха, каких мало. Умел с такой стороны подобраться к Илье, что тот не сразу находился, что ответить, да потом приноровился и осекал Ганса.

— Еще не закончил, Ильюша, свою стройфаку? — спросит Шультер.

— Нет еще, Ганс. Надо все разжувати и уложить в голову, — отвечает Илья.

— Так, так, Ильюшенька. Не набрал еще ума-разума? Ай-ай. Бедная твоя головочка, Ильюша. Не лопнет?

— Не бойсь, Ганс, моя голова выдержит. Только чего это ты беспокоишься? Тебе же хуже будет. Сами будем и машины делать, и заводы строить. А тебя отправим домой, в фатерлянд. И останешься ты без работы. Слышно у вас в Германии кризис, безработица...

— О, Ильюша, как это у вас говорят? Русский мужичок с ноготок, да себе на уме. Давай покурим табачок.

Ганс протянул Илье серебряный портсигар с золотой номограммой, раздался щелчок, и выскочила сигаретка. Но Илья достал свой красный расшитый Настей кисет и свернул из газеты огромную козью ножку из местного самосада.

— У нас еще говорят: дружба дружбой, а табачок врозь. Да и дружба у нас с тобой, Ганс, как этот дым. Пых и нету, — засмеялся Илья и задымил, что та домна, когда из нее чугун выпускают. Так всю смену и будет дымиться его козья ножка, прилипнув к губе.

...В стране поднимались и другие гиганты первой пятилетки: Днепрогэс, Уралмаш, Беломор-канал, Турксиб, Горьковский автомобильный, Кузбасс, Челябинский и Сталинградский тракторные, Ростсельмаш, но все газеты писали о Магнитке, вся страна следила за успехами магнитостроевцев и все равнялись на нее.

Магнитка стала пробным камнем...

Сможем построить домну, мартен, значит, сможем построить социализм! Магнитка была вызовом всему капиталистическому миру!

...На Магнитострое работали:

Первый поэт Магнитки, впоследствии почетный гражданин города Борис Ручьев.

Сталевар Алексей Грязнов, который погибнет в будущей войне, а в новом городе, на правом берегу, его именем назовут одну из улиц.

4.

— Было это уже во второй пятилетке. Подумать только: пошла вторая пятилетка! Строился социализм впервые на земле людей! — совсем по-молодецки воскликнул Иван Афанасьевич. — Новые и новые цехи вырастали и уже, если оглянешься назад, можно с гордостью полюбоваться делами рук своих.

Почти все иностранцы уехали. Американцы сказали: «Нам здесь делать больше нечего. Если когда и приедем, так чтоб поучиться темпам. О, русские темпы! Нам такие не под силу! Чтобы киркой да тачкой в мороз и стужу такой завод отгрохать!» Видал? Американцы сняли шляпу перед Магниткой! Да, как вспомнишь, какие трудности пережили, и не верится, что все это перенесли, пережили.

Хлеб, что глина, а на сахар только смотрели. Положим кусочек на стол и прихлебываем кипяток из жестяных кружек и смотрим на сахар. Мы-то, взрослые, ладно, а вот детишки... Ревут! Право беда!

За тремя метрами ситца всю ночь в очереди стояли, и стар, и мал. С вечера очередь занимали.

И кругом бараки... Эти чудовищные черные зевы, темные сырые коридоры, тусклые мигающие лампочки. Зимой промозглость такая, что до костей пробирает, стены инеем покрываются, а летом сырость и плесень.

Вот хожу по этому сказочному городу с его широкими проспектами, театрами и дворцами, любуюсь, горжусь и не жалею, что молодость моя была такой трудной. Ведь мы строили первыми, а такое не каждому выпадает.

Не бегал я в стройфак. Выдвигали меня то в комиссии разные, то избирали в рабочком и партком. Кое-как успел восемь классов вечерней школы закончить. Пробовал протестовать: куда там! Ты коммунист, говорят, и партия на данном этапе посылает тебя на передний край! Ну, что ты поделаешь? И идешь, и агитируешь...

Продолжение. Начало в ММ 17, 18 и 19.